

ТЕОРИЯ ЭТНОСА С.М. ШИРОКОГОРОВА

Возникнув в 60-е годы XIX в., российская этнография в начале XX столетия завершила период своего становления. Она была уже институционализирована как научная и учебная дисциплина и усвоила основные достижения и концепции зарубежной науки. Своеобразным показателем зрелости этой отрасли знания стали поиски собственной теории, которые оказались связанными с решением проблемы этноса. Как известно, сам термин "этнос" был предложен в первой декаде прошлого века Н.М. Могилянским. Дальнейшее развитие этой идеи привело к возникновению уже в СССР синтетической дисциплины – этнологии, объединившей в себе этнографию, физическую антропологию и археологию. Преобразование Академии наук в конце 1920-х годов и совещание 1929 г. завершились объявлением этнологии буржуазной наукой, отказом от проблематики этноса и восстановлением этнографии, рассматривавшейся теперь только в качестве вспомогательной исторической дисциплины. Однако изменение обстановки в мире и стране после окончания Второй мировой войны позволило советским этнографам снова вернуться в конце 40-х годов к идее этноса. Работы П.И. Кушнера, С.А. Токарева и Н.Н. Чебоксарова 1940-х–1960-х годов заложили основы советской теории этноса. Приход в 1960-е годы в этнографию Ю.В. Бромлея позволил сформулировать более целостную концепцию этноса, которая стала ведущей в нашей стране. Истоки этой теории могут быть прослежены в основных положениях С.М. Широкогорова (1887–1939), общих постулатах официальной марксистско-ленинской философии и наработках советских этнографов (*Бромлей* 1973; 1983). Актуальность для нашей науки проблемы этноса подтверждается параллельным возникновением в конце 1960-х годов альтернативной теории Л.Н. Гумилева, связанной с влиянием евразийцев (П.Н. Савицкий), учением о ноосфере (В.И. Вернадский), идеями русского космизма (Н.Ф. Федоров) и некоторыми положениями теории систем (*Гумилев* 2001; 2002). В годы "перестройки", когда происходило переосмысление опыта советской этнографии, была подвергнута критике и ставшая "официальной" теория Ю.В. Бромлея. С конца 1980-х годов В.А. Тишков стал активно внедрять в России принципы радикального конструктивизма и связанной с ним теории этничности, отрицая сам факт существования этноса как явления реальности (*Тишков* 1992; 2003). Однако уже во второй половине 1990-х годов в нашей стране снова наблюдается рост публикаций по разным аспектам проблемы этноса, в том числе непосредственно продолжающих концепцию Ю.В. Бромлея (*Рыбаков* 2001). К сожалению, в работах как советского, так и постперестроечного периода практически не рассматривается теория этноса С.М. Широкогорова, что, на мой взгляд, существенно снижает эвристический уровень этих исследований.

Как признал Ю.В. Бромлей, именно российский ученый-теоретик Сергей Михайлович Широкогорov предал в 1920-е–1930-е годы XX в. первое исследование проблемы этноса. Поскольку его основные работы были опубликованы в Китае, в котором он вынужденно остался в 1922 г., то за Широкогорovым закрепилось клеймо белоэмигранта, препятствовавшее распространению его работ в СССР. По этой причине и из-за расхождения ряда важнейших положений его работ с официальными установками марксизма-ленинизма научное наследие этого замечательного автора незаслуженно было предано в нашей стране почти полному забвению. Поэтому некоторые современные российские специалисты считают, что теория С.М. Широкогорова не имела особого влияния на дальнейшую разработку проблемы этноса в СССР и вообще не заслуживает

Анатолий Михайлович Кузнецов – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической антропологии Дальневосточного государственного университета (г. Владивосток).

внимания (*Рыбаков* 2001: 5; *Тишков* 2004: 690). Единодушные и безапелляционность критиков должны были полностью отбить у любого читателя всякий интерес и желание вникать в идеи опального автора. Но как тогда расценивать появление совершенно противоположных мнений по поводу значения теории С.М. Широкогорова, например, известного московского специалиста-этнолога Г.Е. Маркова: "То, что в горах написанной по этому поводу бумаги заслуживает хотя бы какого-то внимания, имеется в отсутствующих в библиотеках СНГ работах С.М. Широкогорова. Все остальное – игра слов и придумывание нелепых терминов. Все это ничего общего не имеет с фундаментальной наукой" (Цит. по: *Филиппов, Филиппова* 1992: 8). Такое серьезное расхождение мнений говорит, как правило, о том, что мы не очень хорошо представляем обсуждаемую проблему. В частности, для оценки взглядов С.М. Широкогорова следует учитывать существование двух вариантов его теории этноса. Критическому разбору у нас подвергается только один из них, подготовленный в начале 1920-х годов прошлого века (*Широкогородов* 1922; 1923). Между тем показательное отношение самого С.М. Широкогорова к своему первому опыту: "Его появление преждевременно потому, что согласно намеченного мною ранее плана работы, оно должно было увенчать собою публикацию ряда уже законченных разработкой исследований тунгусских народностей и отдельных вопросов, долженствовавших послужить введением к настоящему исследованию" (*Он же* 1923: 3). Так что же на самом деле представляет собой теория, которая была сформулирована в основном в условиях гражданской войны на "задворках" России во Владивостоке, а затем в эмиграции в Китае человеком, не успевшим сразу создать себе имя в науке? И если его идеи действительно не заслуживают внимания, то почему же они обсуждаются и сегодня?

Появление теории этноса, конечно, не было случайностью; ко времени выхода в свет первых работ, посвященных этой проблеме, С.М. Широкогородов, которому исполнилось тогда 35 лет, уже прошел достаточно непростой путь в науке. Свое образование он начал в 1905–1910 гг. в Париже, обучаясь на филологическом факультете Сорбонны, а также в Антропологическом институте и Высшей школе политической экономии. Вернувшись в 1910 г. в Россию, Широкогородов поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Такое разностороннее образование явилось одним из условий его подготовки к созданию теории этноса. С 1912 г. он, обучаясь в университете, одновременно стал работать внештатным сотрудником ведущего антропологического и этнографического учреждения России – Музея антропологии и этнографии Академии наук. Впервые на Дальний Восток С.М. Широкогородов попал в январе 1915 г., когда был командирован вместе с женой Е.Н. Широкогородовой (Робинсон) на два года в Маньчжурию и Монголию "для лингвистических, этнографических, антропологических и археологических исследований" в качестве начальника Маньчжурской экспедиции. Несмотря на все испытания, первая дальневосточная экспедиция была успешно завершена в 1917 г. Проведя некоторое время в Екатеринодаре (Краснодаре) и Петрограде, Широкогородовы были снова командированы в Северный Китай. Финансовые трудности, вызванные начавшейся революцией, а затем гражданской войной заставили их изменить намеченные планы. Поэтому российские исследователи в июле 1918 г. приезжают через Харбин во Владивосток (*Решетов* 2001).

Пребывание во Владивостоке неожиданно затянулось до сентября 1922 г., но именно здесь С.М. Широкогородов был вынужден начать подведение итогов своих экспедиционных исследований, позднее обобщенных в нескольких крупных работах, в том числе и в теоретической монографии "Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений". Ввиду определенных трудностей с публикацией этих материалов в России, он, будучи командированным Государственным Дальневосточным университетом, покинул Владивосток в начале сентября 1922 г. и приехал в Шанхай, чтобы напечатать свои книги. Установление советской власти во Владивостоке 25 октября того же года привело к тому, что остававшийся в Китае С.М. Широкого-

ров был уволен как не явившийся на работу в университет 26 октября (он не смог выехать обратно во Владивосток). Так начался эмигрантский период его жизни. В СССР он уже так и не вернулся, поскольку был хорошо информирован о происходящих с конца 1920-х годов в стране событиях (Кузнецов 2001). В Китае С.М. Широкогородов провел несколько более коротких экспедиций по стране, совершил ряд поездок за границу, но главное – он приступает к осуществлению тех замыслов, которые предварительно были сформулированы во Владивостоке. В частности, в 1935 г. в Китае увидела свет монография "Психоментальный комплекс тунгусов" (Psychomental Complex of the Tungus. L., 1935). Из переписки с немецким этнологом В. Мюльманом и по некоторым другим данным мы знаем, что в последние годы жизни Сергей Михайлович готовил большую специальную работу "Теория этноса или Введение в этнологию". К сожалению, содержание этого труда и его судьба остаются неизвестными (Мюльман 2002; Serebrennikov 1940).

Сегодня становится очевидным, что уже работы владивостокского периода ознаменовали рождение нового ученого-теоретика, который сформулировал идеи, явившиеся подлинным прорывом в науке. К сожалению, выход их в свет в годы гражданской войны во Владивостоке, а затем в Шанхае на русском языке привел к тому, что они оказались представленными в СССР единичными экземплярами, хотя и были доступны для зарубежных специалистов по переводам на немецкий язык и в кратком изложении – на английский и французский (Shirokogoroff 1924b; 1934; 1936; 1963). Для нас эти работы имеют особый интерес как представление первого варианта теории этноса С.М. Широкогорова. Исследование тунгусо-маньчжурских этнических общностей позволило ученому подробно ознакомиться с отличным от известных ему западноевропейского и российского видом общественной организации и культуры. На основе своих сопоставлений российский ученый одним из первых пришел к революционной для своего времени идее о принципиальной однородности "примитивных" и "цивилизованных" обществ. Для того чтобы подчеркнуть это единство, и был использован не очень популярный тогда термин "этнос", предложенный Н.М. Могилянским. "Этнос – есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп" – писал в 1922 г. С.М. Широкогородов (Широкогородов 1922: 13). Именно в этом варианте теории этноса, на первый взгляд, рассматривался нормативным образом как группа людей (этническая общность), обладающих присущими им специфическими культурными признаками. Однако уже тогда, проанализировав опыт мировой науки, С.М. Широкогородов отказался от прежних подходов к анализу этнических явлений, так как они были конкретно научными (редукционистскими). Он понимал, что при использовании этой традиционной практики реальные сообщества людей расчленялись по отдельным основаниям на части (экономическую, социальную, культурную, религиозную и др.), которые потом невозможно было снова интегрировать в их исходное состояние. Такой путь его не устраивает, поскольку он неизбежно сводит этнос (этническое) к одной из его составных частей. "Итак, классификации с антропологической, лингвистической и этнографической точки зрения до настоящего времени еще не дали возможности построить согласованную схему. Быть может ввиду неустойчивости всех признаков и легкой заимствованности их, этого и невозможно сделать вообще" (Широкогородов 1923: 46).

Поэтому при анализе этноса как сложного многостороннего явления российский ученый пошел принципиально другим путем: он стал рассматривать его как первичную целостность через отношения с различными видами среды. Первой средой, естественно, являлись природные условия той территории, на которой обитает данная общность. В зависимости от этих условий вырабатывались конкретные средства и способы адаптации к ним, позволяющие обеспечивать жизнедеятельность этноса в целом и отдельных людей, составляющих его. В качестве второго вида среды автор рассматривал сферу культуры (в широком смысле слова), которую создавал данный этнос. Наконец, третьим видом среды выступало этническое окружение данной группы, т.е. те этносы, с кото-

рыми она взаимодействует. Поэтому для С.М. Широкогорова этнос – это не набор признаков, меняющихся в зависимости от обстоятельств, а сначала устойчивый набор отношений приспособления (Там же: 124–126). Характеристика собственно этноса как особого явления (некоторой целостности), основывавшаяся на его представлении как группы людей, была проведена с учетом главных свойств, присущих не отдельным индивидам, а человеку как родовому существу. В качестве исходной основы этой общности были выделены биологические стороны жизнедеятельности человека, что явилось одной из существенных причин отрицания этой теории рядом современных специалистов. Отчасти такое отношение можно понять, так как создатель теории этноса не обсуждал вопрос о "диалектике соотношения биологического и социального" в человеке и т.д. Однако само понятие "биологическое" используется С.М. Широкогором в различных смыслах, в том числе и как констатация элементарной необходимости наличия живых индивидов для формирования и сохранения различных этнических общностей. Кроме того, посредством этого понятия часто передается также значение приспособления, адаптации (в том числе культурной адаптации) и объективных (т.е. не зависящих от воли и сознания человека) условий.

Главная особенность человека состоит, конечно, в том, что он является существом сознательным (разумным). Понятие "сознание" вообще играет в концепции С.М. Широкогорова огромнейшую роль, так как благодаря ему были определены некоторые остальные составляющие этноса. Но в своей теории автор отказался от философской идеи универсального сознания, присущего каждому человеку в достаточно однородном виде. Связав это явление с социальной культурой, С.М. Широкогоров разработал положение о существовании разных форм сознания, присущих конкретным общностям. Наличие такого этнического сознания образует, как считает этот автор, одно из важнейших условий жизнедеятельности этноса, в том числе его приспособления к окружающим условиям. Он часто прибегал к сопоставлению этнических общностей и животных популяций, чтобы подчеркнуть, что там, где животные приспособляются к окружающим условиям путем изменения своей телесности или поведения, человек делает то же самое при помощи развития своего сознания (ума) и создания искусственных (этнографических) средств.

Традиционно одним из основных свойств человека и образуемых им общностей считается наличие (или принадлежность к) определенной культуры. Это явление нашло свое место и в теории этноса, но в достаточно примечательном значении: "Термином культура я буду определять сумму накопленных знаний, результирующих соответствующий уклад материальной и социальной жизни и мышление данного этноса, группы этносов или всего человечества" (Там же: 15). Как мы видим, категория культуры в данной интерпретации получила акцент на знаниях и мышлении, но она не была полностью сведена к ним. С.М. Широкогоров выделял различные явления и элементы культуры, наблюдаемое многообразие которых образовывало ее разнородное взаимосвязанное пространство. "Сложность культуры каждого этноса столь велика, что понять ее и начертить дальнейшую эволюцию ее можно только путем анализа происхождения и зависимости всех явлений от всего комплекса этнографических особенностей, связанных между собою не только генезисом, но и равновесием" (Там же: 21). Поэтому он был против того, чтобы связывать понимание культуры только с представлениями о ней ее носителей. Исследователь, по его мнению, для решения своих задач должен выяснять возникновение составляющих ее культурных явлений, т.е. использовать не нормативный, а генетический подход для их изучения. Еще одно важное свойство человека – его социальность, т.е. существование в обществе. Естественно, что общественная организация рассматривается им в качестве следующей составляющей этноса, которая трактуется, что показательно, как социальная культура. Потребность в ней возникает, по мнению создателя теории, тогда, когда отношения общности с культурной средой становятся более значимыми, чем отношения с природой. Важнейшими признаками общества

он считал дифференциацию деятельности отдельных людей, устойчивость связей этих людей и субъективное сознание связи с целым у каждого индивидуума в отдельности (Там же: 72–73).

Таким образом, в соответствии с представлениями С.М. Широкогорова, этнос – универсальная категория, которая включает в себя различные стороны жизнедеятельности человека и общества. "Имея объектом наблюдения этнос, этнография изучает все проявления умственной и психической деятельности человека, т.е. 1) его материальную культуру, т.е. всю сумму его знания в области строительного искусства, одежды, питания и т.д.; 2) его социальную культуру, т.е. организацию общества, – государства, и его органов как семья, род и т. под.; 3) его духовную культуру, т.е. религию, науку, философию и эстетические искусства" (Там же: 15). Особая роль сознания (и психики) в теории этноса отражает реальные особенности (свойства) человека. Он должен обладать сознанием для того, чтобы заниматься практической деятельностью, создать культуру и общество. Но для успеха в своей деятельности он должен осмысливать внешний мир, в том числе созданное им социальное и культурное окружение, и воспроизводить его в определенных знаниях, идеях и представлениях, не всегда тождественных этим явлениям.

Рассматривая этнос как базовую универсальную форму объединений человека, С.М. Широкогоров, как уже отмечалось, включал в нее и "цивилизованные нации". Такой шаг сразу поставил его перед проблемой обработки гораздо больших, по сравнению с этнографическими, объемов конкретно научных данных и взаимодействия с традиционной систематикой научных дисциплин. Он принял и этот вызов, однако для преодоления всех возникших трудностей одного этнографического метода явно было недостаточно. Поэтому С.М. Широкогоров пришел к идее объединения конкретных дисциплин, таких как антропология, этнография и языкознание, в новой синтетической отрасли знания – этнологии, способной провести целостное исследование разных этносов. "Подобно тому как биология есть наука о жизни вообще, этнология есть наука об этносе как форме, в которой развилось и живет человечество, т.е. этнология как и биология открывает законы жизни человека как вида, а следовательно, его мышления и науки как результата мышления и таким образом, этнология является венцом знания человека" (Там же: 33). Новая дисциплина подразумевает наличие собственного предмета исследований. По мнению С.М. Широкогорова, им должен был стать феномен этнического многообразия, и сама исходная категория "этнос" теперь получила новую трактовку: "...этнос является формой, в которой происходит процесс создания, развития и смерти элементов, дающих возможность человечеству как виду существовать" (Там же: 28–29).

Существование этноса, объединяющего очень разных людей, связанных с выполнением различных видов деятельности в условиях определенной среды, обусловлено, как полагал ученый, равновесием между основными слагающими его компонентами: "Каждый этнос во имя своего существования стремится к сохранению равновесия, которое иногда достигается слабым развитием одних элементов за счет сильно развитых других" (Там же: 22–23). От этого равновесия, как считалось, во многом зависит также устойчивость, т.е. жизнеспособность этнической общности. Конкретное состояние и устойчивость этноса, считал автор концепции, определялось несколькими факторами. Первый из них – численность составляющих его людей. Свое влияние на характер этноса оказывает размер и состояние территории, на которой обитает этнос. На соотношение этих факторов оказывают воздействие, в свою очередь, также уровень развития культуры и степень сложности социальной организации. Все эти основные факторы и составляющие компоненты самого этноса находятся в сложных отношениях друг с другом. Так, если численность этноса сокращается, но его носители быстро развивают культуру, то высокий ее уровень может обеспечить устойчивость и сохранение данного этноса. Культурный фактор может, по мнению С.М. Широкогорова, компенсировать и недостаток территории (Там же 1923: 125).

Внутреннее равновесие этноса в данной теории во многом связывалось с его отношениями с внешней средой: "Чем сложнее вторичная среда и чем упорнее сопротивление человека физическому приспособлению себя к первичной среде, тем сложнее форма общества" (Там же: 75). Важное значение уделялось также непосредственному взаимодействию различных этносов. В процессе взаимодействия, как показал С.М. Широкогоров, отношения между этносами могут принимать различный характер: "...форму сотрудничества, форму взаимных выгод, форму паразитизма и форму поглощения или слияния, если не происходит полного уничтожения или вытеснения одного этноса другим, что зависит, конечно, прежде всего от мощности этноса" (Там же: 82). Находящийся в состоянии равновесия, т.е. хорошо приспособленный к своим внутренним условиям и требованиям среды, этнос рассматривался как обладающий наибольшей жизнеспособностью и устойчивостью. Определить такое состояние можно по следующему критерию, предложенному автором: "Внешним выражением приспособления служит численный состав этноса, который может быть растущим, неподвижным и падающим" (Там же: 82). В зависимости от соотношения основных показателей С.М. Широкогоров выделял три вида состояний этноса: стационарное, развитие и гибель (Там же: 88).

Таким образом, принятие С.М. Широкогоровым концепта "этнос" повлекло за собой глубокие изменения в его представлениях о научной систематике и методологии. Уже в первом варианте рассматриваемой концепции трактовка этноса как общности людей, обладающих особыми признаками, является только первичным рабочим определением. Более существенный момент для представления содержания этой категории в теории С.М. Широкогорова – ее понимание как предмета исследования новой научной отрасли – этнологии. Для данного автора этнология – синтетическая дисциплина, обобщающая и устанавливающая соотношения между основными свойствами человека, изучаемыми конкретными дисциплинами. На этой основе она должна открывать основные законы, которые определяют формирование и развитие этносов. Формулирование законов такого рода было связано с изучением этнического мышления, которое предполагает обработку научных данных – одного из проявлений этого мышления.

В соответствии с указанными исходными принципами этнос в своем обобщенном виде получил характеристику "как формы, в которой развилось и живет человечество". Как известно, человек (в широком смысле) и человечество – это в значительной степени философские (универсальные) категории, стремящиеся воплотить наиболее общие свойства и качества людей. Этнос уже является теоретическим научным (более конкретным) понятием, совмещающим общие свойства с физическими (расовыми), культурными, социальными и другими особенностями, присущими тем первичным объединениям, которые и представляют в своей совокупности человечество. Подчеркнуто не-философская позиция является принципиальной для С.М. Широкогорова. Так, в частности, характеризуя современное ему состояние этнографии, он отмечал: "Под закливания философских спекуляций, типичных для психоментального комплекса большинства европейских стран XIX столетия, эти абстракции были предпочтены реальности..." (Цит. по: Мюльман 2002: 149).

Следует также обратить серьезное внимание на методологию анализа С.М. Широкогоровым явления этноса уже на этом этапе его творчества. К определению этноса он сначала подходит через выявление отношений данной общности (группы) с различными видами среды (природная; культурная, в том числе социальная и межэтническая). Затем он выявляет факторы, оказывающее влияние на состояние этноса (территория, численность этноса, уровень развития культуры), и их взаимодействие друг с другом. В целом же для С.М. Широкогорова этнос – прежде всего общность, целостное явление, характеризующееся равновесием составляющих ее компонентов. Эти компоненты были определены через характерные (родовые) свойства человека, среди которых важнейшая роль была отведена мышлению (сознанию). Даже в приведенном кратком изложении можно отметить, что методология С.М. Широкогорова, лежащая в основе его концеп-

ции этноса, – не упрощающая (редукционистская), сводящая сложное явление к одной из его сторон или форм проявления, а генерализирующая, т.е. объединяющая на определенном уровне данные отдельных дисциплин, связанных с изучением определенного явления. Такой характер: его базовой исследовательской стратегии соответствует основным принципам системно-структурного анализа.

Несмотря на то, что официальной датой появления системной парадигмы считается 1946 г., мы видим, как российский ученый вполне корректно сформулировал и применил ее основные положения в начале 1920-х годов. Причем следует особо отметить, что он не просто предвосхитил механицистские (кибернетические) варианты теории систем, а разработал принципы исследования особых этнических систем, характеризующихся таким специфическим свойством, как сознание (самореферентные системы). В дальнейшем основные положения теории этноса были частично реализованы С.М. Широкогором в его этнографических монографиях "Социальная организация маньчжур" (*Shirokogoroff* 1924a), но особенно полно в "Социальной организации северных тунгусов". В последней работе уже намечился переход к новому пониманию проблемы этноса, выраженный в признании изменчивости этнической общности (*Shirokogoroff* 1929: 7). Увидели также свет переводы разных частей монографии "Этнос..." на английском и французском языках (*Shirokogoroff* 1924b; 1934; 1936).

Примечательно, что вскоре в своей следующей более объемной работе – "Психоментальный комплекс тунгусов" (*Shirokogoroff* 1935) и других публикациях С.М. Широкогор выводит концепцию этноса в совершенно новую плоскость. Собственно этнической проблематике было отведено достаточно скромное место в первых главах этого фундаментального исследования. Но этот вводный раздел играет совершенно особое значение в развитии идей основоположника этой теории. Фактически он предложил здесь второй вариант теории этноса. Вначале автор отмечает факт существования разных видов общностей, изучаемых специалистами в соответствии с профилем своей дисциплины, в том числе этнические группы, популяции, нации, региональные, социальные и культурные группы. Общее свойство этнических общностей, отличающее их от других видов объединений, он видел в присущей им однородности, сохранении эндогамии и осознании собственного существования. Другие группы, с которыми также работает этнограф, – региональные, культурные и социальные – для С.М. Широкогорова уже являются простыми абстракциями, так как все они, в том числе культурные группы, отрываются от своей реальной основы – определенной популяции людей. Распространенная ошибка, связанная с преувеличением значения наций, социальных и культурных групп, как полагал С.М. Широкогор, была результатом ущербности применявшихся методологических подходов, когда такие проблемы обсуждаются со статичной точки зрения (*Shirokogoroff* 1935: 13).

Таким образом, он приходит к выводу, что наиболее реальным предметом исследований остается этническая общность, которая обладает "...более или менее сходными культурными комплексами, общностью языка, верой в общее происхождение, обладающая групповым сознанием и практикующая эндогамию" (*Ibid*: 14). Но, учитывая поддержку статического подхода к рассматриваемому явлению, при котором оно приобретает свою позитивистскую "телесность", автор теперь применяет термин "этнос" только к процессам возникновения и развития (кристаллизации), форма протекания которых определяется этнической группой: "Это есть ПРОЦЕСС, который может выражаться в образовании этнических общностей и этот процесс я называю ЭТНОС" (*Ibid*). Как известно, в отличие от изучения материальных объектов, анализ процессов связан с серьезными трудностями, которые обусловлены необходимостью их опосредованного рассмотрения через призму изменчивости признаков некоторых реальных образований. Поэтому С.М. Широкогор указал, что этнос, понимаемый как процесс "...может быть выражен в различных аспектах, в том числе:

- 1). Этнографическом аспекте, проявляющемся в сходстве культурной адаптации, открытой этнографами.
- 2). Психоментальном аспекте, фиксируемом в сходстве языка, исследуемого лингвистами и этнографами.
- 3). Аспекте непрерывности, который выражается в существующих убеждениях и традиции, открываемых историками.
- 4). Психологическом аспекте, заключающемся в факте самосознания себя как общности.
- 5). Биологическом (в узком смысле) аспекте, сводящемся к ограничению процесса передачи наследственных признаков и дальнейшим физическим изменениям, изучаемых биологами" (Ibid).

Как и любой процесс, этнос может направляться по разным векторам. Поэтому было предложено различать центростремительные и центробежные движения, которые могут сочетаться в рамках одной общности. С учетом этого обстоятельства автор уточнил свое определение этнической общности: "Если вернуться к нашему определению общности, мы можем выразить ее как динамический эффект равновесия, который существует между центростремительными и центробежными движениями в ней" (Ibid). Причина возникновения движений подобного рода связывалась с внутренним состоянием рассматриваемых явлений: "...большинство центростремительных и центробежных движений в этнической общности возникают под действием составляющих ее элементов, в результате чего создаются новые их элементы" (Ibid: 15). Взаимодействие между движениями этноса также может принимать различный характер, на что обратил внимание автор концепции: "Если мы имеем очень сильное центростремительное движение, полностью подавляющее центробежное, тогда мы будем терять силу частичной (местной) адаптации к изменяющимся условиям среды и таким образом теряем жизнеспособность особенно под влиянием условий межэтнического равновесия; с другой стороны, если центробежные тенденции слишком сильны, тогда не будет связи (сцепления) между вновь возникшими общностями и тогда большое объединение также потеряет жизнеспособность" (Ibid). Поэтому даже в своей новой редакции теории этноса С.М. Широкогоров возвращается к идее необходимости этнического равновесия для нормального существования данных общностей. В свою очередь, этническое равновесие снова было связано с воздействием еще одного фактора, который С.М. Широкогоров определил как внешнее межэтническое равновесие: "под этим термином я понимаю постоянное отношение между численностью населения, занятой им территорией и биологической адаптацией (приспособляемостью), при этом культурная адаптация рассматривается как одна из особых форм биологической" (Ibid). Поскольку оба этих вида равновесия были охарактеризованы как определенные отношения, то они не противоречили новому пониманию этноса как процесса и получили в нем свое место.

Многие критики упрекали и упрекают С.М. Широкогорова за представление этноса как реальной группы, основанной на биологических началах. Теперь же мы видим радикальный поворот его теории от предметной конструкции к сугубо процессуальной, в результате которого она становится динамичной и тем самым освобождается от основного недостатка субстантивистских и системных теорий – отсутствия в них историчности, идеи развития. Так что в этом смысле новый вариант данной теории – дальнейший и логически необходимый шаг в развитии ее первого варианта. Важно также подчеркнуть, что теория С.М. Широкогорова не ограничивается изучением только одних этнических общностей. В ее фокусе оказываются объединения самого разного уровня: "Если мы возьмем разные виды дифференциации: индивидуальную, семейную, клановую, профессиональную, экономическую или любую другую форму адаптационной дифференциации, определяемую необходимостью новых форм основной адаптации, они могут возникать в группах, в которых они существуют, как элементы центростремительного движения и таким образом в отношении большей общности они будут действовать как

центробежная сила" (Ibid: 14). В новом варианте концепции этноса по-прежнему учитывается роль мышления в складывании новых форм и способов существования, которое теперь преимущественно рассматривалось как "...деликатный механизм реадaptации психоментального комплекса, для которого также существует лимит на темпы вариации" (Ibid: 17).

Очевидно, для того чтобы сделать свою идею универсальности этноса более убедительной, С.М. Широкогорov снова обращается к критике понятия "нация", которое очень часто подменяют у некоторых авторов этнические образования. Поэтому теперь, в отличие от первой работы, в которой просто констатировалось, что нация – это общность, имеющая собственное государство (Широкогорov 1923: 14), данному явлению было уделено значительно большее внимание. В целом у С.М. Широкогорова сложилось негативное отношение к правомерности признания нации как самостоятельной формы организации общностей. Он отмечает, что никто еще не дал удовлетворительного определения нации. Кроме того, многие "нации" существуют слишком долгое время, чтобы сохранять свой первоначальный субстрат. Поэтому для него понятие "нация" может превратиться в простую абстракцию, заходящую очень далеко от цели исследования, направленного на изучение популяций и конкретных групп (Shirokogoroff 1935: 13). Сходное мнение у С.М. Широкогорова сложилось в отношении социальных групп, так как они постоянно взаимодействуют между собой, а, кроме того, часть населения остается вообще вне социологических классификаций. Основным недостатком этих понятий для него заключается в том, что "здесь были смешаны и определены как одна две разные вещи: процесс и физическая популяция" (Ibid).

Фактически проигнорировав вопрос о роли и значении политического фактора в возникновении наций, создатель этой теории достаточно подробно остановился на значении диффузии культурных явлений. Он понимает, что чаще всего мы видим именно распространение явлений культуры, ранее характерных для определенных этнических общностей, а не самих этих общностей. В отличие от популярных в то время идей о существовании культурных центров и кругов, С.М. Широкогорov важное значение в диффузии явлений культуры отводил лидирующим этносам. "Под техническим термином лидирующий этнос, который является очень важным как механизм адаптации и ремоделирования культурных комплексов и как механизм изменения межэтнической среды, я понимаю процесс, который завершается возникновением этнических общностей или группы этнических общностей, становящихся в разные исторические периоды моделями для других этнических групп" (Ibid: 21).

Обращает также внимание, что при частом подчеркивании роли биологического фактора в концепции этноса С.М. Широкогорov обращается к его обсуждению только после рассмотрения взаимоотношений различных видов общностей, в том числе и наций, и анализа характера процессов и отношений, складывающихся в них. Обозначив эндогамию как один из важных признаков этнической общности, автор не стал анализировать этот аспект, суливший заманчивые перспективы для демонстрации роли биологических начал в ее формировании. Он не придает также особого значения расовому фактору в складывании этнических общностей. Более того, "биологизатор" Широкогорov выступает против подхода к этнической общности как разновидности популяции (в биологическом смысле) (Ibid: 24). Не случайно один из важных выводов, сделанных автором в результате обсуждения проблемы этноса, – почти марксистское высказывание о роли этнической среды в жизни человека: "...ни один индивид не может рассматриваться абстрагировано от этнической среды, в которой он родился и жил" (Ibid).

На первый взгляд, может сложиться представление, что новый вариант теории С.М. Широкогорова – полный отход (отрицание) от ее предыдущей версии. Но такой вывод будет неправомерным, несмотря на радикальное изменение трактовки исходного понятия этой теории. Основные положения системно-структурной интерпретации этноса органично вошли в понятие этнической общности. Категория "этнос" в новом пони-

мании, как процесс, позволила дополнить этот в основном синхронистический ракурс рассмотрения проблемы идеей развития, т.е. перевести ее в диахронический план. Так что, несмотря на реальные различия, оба варианта теории этноса российского автора не противоречат, а дополняют друг друга. Таким образом, С.М. Широкогоров показал принципиальную сложность и противоречивость явления этноса, которое существует как в материальном выражении, так и в совокупности своих процессуальных состояний. Одновременно он уделял такое большое внимание явлению этнического сознания, обладающему своей особой сущностью, что его можно обвинять не столько в биологизме, сколько в субъективизме. Но фиксация и оперирование такими разными и очень сложными образованиями, как реальные (материальные) составляющие этнической общности, происходящие в ней процессы и функционирование сознания, требуют применения принципиально новой методологии исследования этнических явлений. Необходимо отдать должное С.М. Широкогорову – он в принципе решил и эту задачу в немалой степени за счет внедрения категории "психоментальный комплекс" вместо традиционного понятия "культура". Теперь, по его мнению, в этнической общности "...феномены материальной культуры, социальной организации и психоментальный комплекс формируют определенную систему, хорошо сбалансированный комплекс, в котором все элементы более или менее связаны и поэтому они не могут трактоваться независимо друг от друга" (*Shirokogoroff* 1935:)

Собственно психоментальный комплекс в трактовке С.М. Широкогорова – это "культурные элементы, которые состоят из психических и умственных реакций, как на целое, так и его элементы, они могут быть изменяемыми или стабильными, динамическими или статическими" (*Широкогоров* 2001: 66). Далее эти элементы были распределены по двум группам: 1) комплекс реакций устойчивого и определенного характера и 2) комплекс мыслей, которые определяют некоторые умственные установки и которые могут быть рассмотрены как теоретическая система данного объединения (индивида). Значение психоментального комплекса С.М. Широкогоров видит прежде всего в выполнении им функции адаптации коллектива к окружающей среде. Не удивительно, что элементы, составляющие психоментальный комплекс, отличаются большим разнообразием. В первую очередь к ним были отнесены психические и умственные явления, которые могут быть определены на основании изучения установок, идей, некоторых видов поведения, обычаев и практик. Этому комплексу отводилась также большая роль в поддержании целостности этнической общности, так как "...реакции общности, выражающиеся в реадaptации технической культуры и социальной организации, должны сначала пройти через этот комплекс. Наконец, влияния межэтнической среды на данную общность также реализуются через психоментальный комплекс" (*Shirokogoroff* 1935: 25). Как видно уже из предложенного перечня основных функций и характеристик, изучение данного явления – одна из наиболее сложных задач для исследователя. Но сама мысль о том, что вместо общего сознания каждой этнической общности присущ свой особый психоментальный комплекс, неизбежно подводила данного автора к критической оценке всей сложившейся практике исследования этнических проблем.

Если до 1970-х годов XX в. в этнологии/антропологии в основном обсуждались проблемы этнического сознания и самосознания, то С.М. Широкогоров сначала обратился к роли самого ученого в процессе их исследования: "...у наблюдателя (и исследователя, описывающего ситуацию) есть собственный психоментальный комплекс, сформированный его культурной средой; следовательно, ученый не является орудием вечной истины, он лишь отражает мир через собственную личность (старое открытие!), в то время как сторонние психоментальные комплексы формируют изучаемый мир". (Цит. по: *Мюльманн* 2002: 151). Первым шагом на пути преодоления полной зависимости от своего психоментального комплекса должно было стать изменение отношения к собственной и другим культурам (*Широкогоров* 1923: 24–25). Кардинальное решение обозначенной проблемы автор видел в том, что исследователь "должен забыть, если это возможно,

свой собственный комплекс и записывать факты..., чтобы не мешать процессу наблюдения и записи" (*Он же* 2001: 68). Это, конечно, некоторый идеал, но к нему необходимо стремиться, так как, по словам С.М. Широкогорова, многие наблюдения были сделаны без учета влияния собственного комплекса исследователя на восприятие им материала других культур, что снижает достоверность таких данных. На основе своих наблюдений этнограф составляет описания-тексты, которые изучают другие специалисты, в том числе носители других психоментальных комплексов. Это значит, что в процесс этнографического исследования подключается еще один участник – читатель сделанных описаний. Этой фигуре С.М. Широкогоров также отводил важное место в своей концепции: "...я понимаю, однако, что читатель находится отнюдь не в легком положении, поскольку он одновременно должен следить за тремя различными вещами: 1) чужим этническим комплексом, 2) личным комплексом автора, 3) работой восприятия своей собственной психоментальной машинерии" (Цит. по: *Мюльман*, 2002: 151).

Таким образом, уже в первой трети XX в. С.М. Широкогоров со всей определенностью показал, что между исследуемой этнической реальностью и специалистом, занимающимся ее изучением, стоит незримый барьер, связанный с действием различных психоментальных комплексов, оказывающих влияние на восприятие и осмысление этой реальности. Поэтому не может идти никакой речи о полной "объективной достоверности" этнологических описаний, даже выполненных со "зверски" серьезной позитивистской добросовестностью. Они будут релевантны не только самой этой реальности, но и сложившемуся психоментальному комплексу ее представления. В таком случае любое сложное явление окружающей нас действительности, в том числе этническая общность, существует как в своей реальной жизнедеятельности, так и ее представлении в виде описывающих эту общность текстов. Причем эти тексты могут составляться не только с позиций самих представителей этой общности, но и ее внешних наблюдателей. В дальнейшем текстовая реальность исследованных этнических общностей оказывается также в зависимости от читателей, воспринимающих эти описания.

С учетом всех этих обстоятельств С.М. Широкогоров предложил свою методологию проведения этнологических исследований. Вместо традиционных "объективистских" (позитивистских) методов он стал говорить о необходимости "всматривания" и "интуиции" (Цит. по: *Мюльман* 2002: 151). Предложенные здесь приемы изучения выглядят не вполне "научно", но следует иметь в виду, что они предназначены для исследования такого тонкого явления, как феномены сознания и психики человека. Не случайно далее было рассмотрено утверждение, согласно которому "невозможно понять людей без любви к ним". Соглашаясь с тем, что иногда это действительно так, особенно в сопоставлении с противоположным отношением, когда других ненавидят, С.М. Широкогоров отмечает: «Фактически, многие специалисты, которые "любили" объект своего исследования ...сделали много неверных описаний, которые в крайних случаях превращаются в sentimentalную наивность европейского комплекса» (*Широкогоров*, 2001: 69). Залог успеха при сборе материала и его интерпретации связывался в рамках данной концепции с тем, "что исследователь или его читатель не должны третировать чуждый (иностраный) комплекс с точки зрения своего собственного этнографического комплекса...". Поэтому, очевидно, "всматривание" и "интуиция", как более нейтральные состояния, и были предложены в качестве основных принципов исследования в этнографии. Наиболее же эффективный путь для изучения психоментального комплекса С.М. Широкогоров видел в следующем: "...детальное описание и анализ психоментального комплекса возможны только тогда, когда последние рассматриваются в тотальности отношений, существующих в этнической общности и которые создаются межэтнической средой" (*Shirokogoroff* 1935: 25). Говоря современным языком, этнограф должен всматриваться и интуитивно воспринимать явления другой культуры (общности) в ее общем контексте, стараясь не привносить в эту процедуру элементы собственной культуры (общности). Отсюда логично вытекает предостережение С.М. Широкогорова об опасности приме-

нения к исследованию одних этнических общностей категорий и терминов, сложившихся на основе работы с другими общностями подобного рода.

Включение в предмет этнологических (антропологических) исследований явления психоментального комплекса позволило С.М. Широкогорову сделать новый шаг в развитие их методологии. Провозгласив нежизнеспособность ("смерть!") традиционной этнографии, он стал соотносить деятельность этнолога с работой историка, так как эти специалисты тоже имеют дело "с различными аспектами культуры (т.е. этнографии) так называемых цивилизованных этнических групп" (*Shirokogoroff*, 1935: 31). Проведенная аналогия тем более уместна, что именно в истории наиболее разработаны историко-ведческие процедуры письменных текстов, в том числе и работ самих историков, которые теперь, по мнению данного автора, должны стать частью методологии этнологических исследований. Отныне любое этнологическое описание (текст) должно подвергаться специальной верификационной процедуре, которая позволит устранять различные искажения и неточности. Важным средством реализации этой цели С.М. Широкогоров считал возможность проверяемости самой процедуры получения и обработки исходных данных. "Как я понимаю, единственный доступный в настоящее время путь смягчить ошибки восприятия – раскрыть весь механизм анализа и построений, показав, насколько они зависят от личности наблюдателя и исследователя, описывающего ситуацию и тем самым помочь читателю устранить исследовательскую этно- и эгоцентрическую точку зрения в процессе восприятия чужого психоментального комплекса" (Цит. по: Мюльман 2002: 151).

Следовательно, С.М. Широкогоров как теоретик-методолог очень быстро вышел за рамки классической науки с ее идеалами рациональности и закономерности. Осознание активности сознания человека в его жизнедеятельности и в исследовательской практике заставило российского ученого отказаться от прежних теоретических установок и обосновать концепцию этноса, теорию психоментального комплекса, разработка которых потребовала поиска новых исследовательских методов. Выход в область системной методологии, стремление к анализу динамики развития, процесса функционирования явлений, в том числе сознания, определяют актуальность его идей и их значение для современной науки. В то же время, будучи зависим от уровня развития науки своего времени, в области конкретных фактов и аргументации ряда своих положений, касающихся вопросов происхождения человека, перспектив развития человеческого общества и т.д., С.М. Широкогоров оказался более уязвимым для критики. Но эта критика не может опровергнуть его основные методологические подходы и теоретические представления.

К сожалению, концептуальные положения С.М. Широкогорова не были систематизированы (исключение составляет его работа "Этнос..."), а оказались рассеяны по разным текстам, как правило, в примечаниях или были приведены в его переписке. Поэтому основные положения его теоретических и концептуальных представлений приходится во многом реконструировать. Тем не менее даже в таком виде теория этноса получила более законченное выражение и сумела отразить исходную сложность этнических общностей и охватить некоторые важные вопросы их функционирования.

Таким образом, российский ученый С.М. Широкогоров еще в 1920-е–1930-е годы предложил принципиально новый вид этнологического дискурса, предназначенный для исследования такого явления, как этническое многообразие человечества, который практически наметил все основные направления дальнейшей его разработки. Центральное место в этом дискурсе заняли категории "этнос" (процесс), "этническая общность", "психментальный комплекс", "материальная культура", "социальная организация" и "эндогамия". Производными от этих базовых категорий могут выступать другие понятия, в том числе "этничность", "этническая культура и сознание" и т.д. Для разработки этого дискурса использовались принципы системно-структурного, функционального и семиотического анализа. Основное его содержание – представление реальности этнических общностей в осознанном (субъективном) воплощении, соответствующем

определенным психоментальным комплексам. Интерпретация смысла текстов этнологического дискурса была связана с позициями представителя данной общности, внешнего наблюдателя, создателя текста и его читателя. Следует учитывать, что свой дискурс С.М. Широкогорov не предназначал для этнографических описаний конкретных проявлений образа жизни или культуры какой-нибудь общности. Он был необходим для работы со сложными и не очевидными при непосредственном первичном рассмотрении основаниями этнических общностей и характерными для них процессами, т.е. для решения этнологических в его понимании проблем. В основе концепции С.М. Широкогорова и созданного на ее основе дискурса лежит идея о том, что человек – существо этническое, а уже потом социальное, культурное, политическое и др. Причем его этничность, формирующаяся под влиянием условий окружающей среды, представляет собой комплексный (многосоставной) вариант (форму), в том числе включающий его телесность и сознание, проявления способа человеческого бытия.

Если теперь сравнить основные положения концепции С.М. Широкогорова с кругом вопросов, обсуждавшихся советскими и постсоветскими авторами, то тогда приходится согласиться с С.В. Соколовским, что прогресс в этой области не столь велик (Соколовский 1994). Фактически идея этноса как универсальной, а затем конкретной общности со своим самосознанием, определенными этническими процессами и границами, стабилизируемая эндогамией, спокойно укладывается в предложения С.М. Широкогорова, что показывает более глубокое и аргументированное ее рассмотрение в последнем случае. В теории психоментального комплекса уже имплицитно содержатся и весь конструктивизм В.А. Тишкова и ряд положений С.Е. Рыбакова. Только их предшественника не интересовал уровень отдельного человека-этнофора, и он не сводил всю этническую реальность к ее осознанию. В рамках своей концепции С.М. Широкогорov решал более серьезные и принципиальные задачи исследования того структурированного, культурно многообразного континуума, о котором писал В.А. Тишков (Тишков 1992: 8).

Новаторство в области теории и методологии позволило Широкогорovu органично совмещать в своем дискурсе примордиалистский (признание биологических основ этноса, роли материальных компонентов культуры и социальной организации) и конструктивистский подходы (теория психоментального комплекса); этническую общность как реальное явление (занимаемая территория, группа людей) с этносом как процессом; реальность бытия этнической общности с ее представлением в виде текстов. В результате по глубине и уровню рассмотрения теория этноса С.М. Широкогорова оказалась настолько значительной, что вольно или невольно все другие авторы, обращавшиеся к этой проблеме, пока оказываются в положении эпигонов. Многие из положений, разработанных российским теоретиком, стали достоянием научной методологии только после 60-х годов XX в. Затем они опосредованно внедрялись в этнологию/антропологию, но уже как заимствования из философии, социологии, других дисциплин и в другой терминологии, к тому же в редуцированном виде. Игнорирование идей С.М. Широкогорова этнологами и антропологами привело к постмодернистскому вызову, серьезно (по крайней мере, за рубежом) подорвавшему устои этой области знания. Поэтому эвристический потенциал рассматриваемой теории начала XX в. еще остается не полностью востребованным, например, в части использования системной методологии к этнической проблематике, так как системность Ю.В. Бромлея и Л.Н. Гумилева в большей степени декларировалась, а не реально воплощалась.

В 1990-е годы некоторые идеи по методологии анализа этнологических явлений, близкие С.М. Широкогорovu, были высказаны Я.В. Чесновым (Чеснов 1999) и в большей степени С.В. Соколовским (Соколовский 1994; 2004). Появление этих работ показало, что только теперь российская теоретическая этнология снова вышла на тот уровень, который уже был преодолен создателем теории этноса. Наш выдающийся ученый С.М. Широкогорov опередил свое время, но он прекрасно сознавал и значение своих идей, и реальные перспективы их признания: "Несомненно то, что объяснения генети-

чески непонятных явлений всегда были в полном соответствии с господствовавшим умонастроением эпохи, а так как общественные, государственные и юридические институты покоятся прежде всего на их всеобщем признании, то всякое объяснение, идущее вразрез с господствующим (этнографическим) умонастроением, не может быть всеобщим достоянием и всякое преждевременное толкование их не может иметь места. В силу этих условий всякая теория, несовпадающая с духом времени, остается чуждой и непонятной и оценивается лишь впоследствии, да и то, возможно, не всегда" (*Широкого-ров* 1923: 27). Тем не менее за время своего существования эта теория этноса либо прямыми заимствованиями, либо через полемику с ней оказала значительное влияние на всех, кто более или менее серьезно обращался к ней (*Данченко* 2000).

Основной недостаток рассматриваемой концепции представляется в том, что ее автор остался этнологом (антропологом) и с этой своей позиции он обсуждал все вопросы. В результате он не учитывал реального значения политического фактора в наиболее развитых (сложных) общностях. Однако для устранения этого недостатка необходимо было разработать особый дискурс, который уже должен основываться на политологических, а не собственно этнологических началах.

Литература

- Бромлей* 1973 – *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973.
Бромлей 1983 – *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
Гумилев 2001 – *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ, 2001.
Гумилев 2002 – *Гумилев Л.* Этносфера. История людей и история природы. СПб.: СЗКЭО "Кристалл"; М.: АСТ, 2002.
Данченко 2000 – *Данченко Е.М.* О вкладе С.М. Широкогорова в разработку теории этноса // Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток; Омск. 2000. С. 13–16.
Кузнецов 2001 – *Кузнецов А.М.* С.М. Широкогоров на Дальнем Востоке (1916–1922 гг.) // С.М. Широкогоров. Избранные работы и материалы. Этнографические исследования. Книга первая. Избранное. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2001. С. 32–52.
Мюльман 2002 – *Мюльман В.* С.М. Широкогоров. Некролог (с приложением писем, фотографии и библиографии) // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 2002. № 1. С. 144–155.
Решетов 2001 – *Решетов А.М.* Петербургский период жизни и деятельности С.М. Широкогорова // С.М. Широкогоров. Избранные работы и материалы... С. 6–31.
Рыбаков 2001 – *Рыбаков С.Е.* Судьбы теории этноса. Памяти Ю.В. Бромлея // ЭО. 2001. № 1. С. 3–23.
Соколовский 1994 – *Соколовский С.В.* Парадигмы этнологического знания // ЭО. 1994. № 2. С. 3–17.
Соколовский 2004 – *Соколовский С.В.* Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М.: Привет, 2004.
Тишков 1992 – *Тишков В.А.* Советская этнография: преодоление кризиса // ЭО. 1992. № 1. С. 5–21.
Тишков 2003 – *Тишков В.А.* Реквием по этносу. М.: Наука, 2003.
Тишков 2004 – *Тишков В.А.* Авторитеты и преемственность в науке: вместо заключения: Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 688–692.
Филиппов, Филиппова 1992 – *Филиппов В.Р., Филиппова Е.И.* Камо грядеши? // ЭО. 1992. № 6. С. 3–17.
Чеснов 1999 – *Чеснов Я.В.* Этнологическое мышление и полевая работа // ЭО. 1999. № 6. С. 3–16.
Широкогоров 1922 – *Широкогоров С.М.* Место этнографии среди наук и классификация этносов. Введение в курс этнографии Дальнего Востока, прочитанный в 1921–1922 году в Дальневосточном государственном университете. Владивосток: Свободная Россия, 1922.
Широкогоров 1923 – *Широкогоров С.М.* Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Изв. Восточного факультета Государственного Дальневосточного университета. Вып. XVIII. Т. 1. Шанхай, 1923.

- Широкогородов* 2001 – *Широкогородов С.М.* Трудности исследования психоментального комплекса (Перевод главы 1 из Психоментального комплекса тунгусов) // Широкогородовские чтения. Владивосток, 2001. С. 65–70.
- Serebrennikov* 1940 – *Serebrennikov I.I.* In Memoriam professor S.M. Shirokogoroff // *China Journ.* Vol. 32. 1940. P. 205–208.
- Shirokogoroff* 1924a – *Shirokogoroff S.M.* Social organization of the Manchus: a study of the Manchu clan organization // *Journ. of the North China Branch of the Royal Asiatic Society.* Extra volume 3. Shanghai, 1924.
- Shirokogoroff* 1924b – *Shirokogoroff S.M.* Ethnical unit and milieu. Shanghai: Edward Evans and Sons. 1924.
- Shirokogoroff* 1929 – *Shirokogoroff S.M.* Social organization of the Northern Tungus (with introductory chapters concerning geographical distribution and history of this group). Shanghai: The Commercial Press, 1929.
- Shirokogoroff* 1934 – *Shirokogoroff S.M.* Ethnos: An outline of theory. Beijing: Catholic University Press, 1934.
- Shirokogoroff* 1935 – *Shirokogoroff S.M.* Psychomental complex of the Tungus. L.: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 1935.
- Shirokogoroff* 1936 – *Shirokogoroff S.M.* La theorie de l'Ethnos et sa place dans le systeme des sciences anthropologiques // *L'Ethnographie* N.S. 1936. Vol. 32. P. 85–115.
- Shirokogoroff* 1963 – *Shirokogoroff S.M.* Die Grundzüge der Theorie vom Ethnos (Übersetzt von C.A. Schmitz) // *Kultur.* Frankfurt, 1963.